

D. S. Worth, A. S. Kozak, D. B. Johnson: *Russian Derivational Dictionary*, New York 1970, American Elsevier Publishing Company, XXIV + 747 стр.

Д. Уорт (Dean Stoddard Worth), главный автор обсуждаемого словаря, совершенно прав, отмечая в начале введения, что „derivационная морфология до сих пор осталась одной из наименее исследованных систем русского языка“¹. Выход в свет такой монументальной книги, какой бесспорно является *Russian Derivational Dictionary* (далее лишь РДД), посвященной деривационной морфологии русского языка, надо горячо приветствовать.

РДД имеет уже своих предшественников.¹ Однако ни один из всех предыдущих словарей русского языка из области деривационной морфологии не охватывает столько лексического материала. Из обширного введения Д. Уорта вытекает, что его автором оказывается крупный знаток русской дериватологии с богатым опытом.²

Рецензируемый словарь не претендует, как пишется в введении, на роль настоящего деривационного словаря, т. е. на научное лексикографическое описание синхронных бинарных мотивационных взаимоотношений слов современного русского языка; РДД представляет собой материалы, способствующие сделать такое описание в будущем.

Над РДД авторы работали свыше семи лет (с 1962 года). Словарь построен на основе словника *Орфографического словаря русского языка*, Москва 1959, 4-ое изд.,³ насчитывающего 110 тысяч слов. Авторы взяли его за основу, ничего из него не исключая, так что в РДД вошли не только отдельные слова, но и двусловные наименования, представ-

¹ Первым из них является небольшой словарь Дж. Патрика: G. Z. Patrick, *Roots of the Russian Language. (An elementary guide to Russian word-building)*, New York 1938, зарегистрировавший 450 самых продуктивных русских корней, вторым — словарь И. М. Карлсен и П. М. Эдвардса: I. M. Carlsen, P. M. Edwards, *A Numericon of Russian Inflections and Stress Patterns. (A guide for students of Russian)*, Vancouver, University of British Columbia, Canada 1955, 213 стр., расположенный в алфавитном порядке морфем языка и дающий наглядное представление о морфологической структуре русских слов. В 1961-ом году в Волгоградском книжном издательстве вышел *Школьный словообразовательный словарь* Э. А. Потихи — у нас известно его второе, исправленное и дополненное издание, вышедшее в Москве в 1964 г. Словарь этот, как уже вытекает из названия, является учебным пособием, предназначен для учителей-словесников и содержит около 25 тысяч слов современного русского языка, расчлененных на морфемы, или же морффы. Другими словами, это не словообразовательный, а морфемный словарь. В 1961 г. в Нью-Йорке вышел Словарь корней русского языка К. А. Волконской и М. А. Полторацкой: Wolkonsky C. A., Poltoratzky M. A., *Handbook of Russian Roots*; в нем около 1300 корневых морфем, и они представлены уже на основании семантического сходства в виде 518 групп.

В настоящее время редактируется в Москве в издательстве „Советская энциклопедия“ Словарь морфем русского языка Т. Ф. Ефремовой и А. И. Кузнецовой, где в качестве заглавных единиц выступают как корни, так и аффиксы. В Самарканде под руководством А. Н. Тихонова готовится первый гнездовой словообразовательный словарь русского языка, ср. монографию А. Н. Тихонова *Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка*, Курс лекций, Самарканд 1971.

² Ср., напр., его статьи *Об отображении линейных отношений в порождающих моделях языка*, ВЯ 1964, 5, 46—58; *The suffix -aga in Russian*, ScSl 10, Copenhagen 1964, 174—193; *The notion of „stem“ in Russian flexion and derivation*, To Honor Roman Jakobson, The Hague 1967, 2269—2288; *On cyclical rules in derivational morphophonemics*, Phonologie der Gegenwart, Wien 1967, 173—186; *Surface structure and deep structure in Slavic morphology*, American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists, vol. I, The Hague 1968, 395—427; *Vowel-Zero Alternations in Russian Derivation*, IJSLP XI, 1968, 110—124; *On the morphophonemics of the Slavic verbs*, Slavica 39, 1970, 1—9; *Ambiguity in Russian Derivation*, The Slavic Word, An International Colloquium Held at the University of California, Los Angeles, September 11—16, 1970, 1—17.

³ Жаль, что в основу РДД не легло 5-ое, исправленное и дополненное издание *Орфографического словаря*, ибо, с одной стороны, в него введены были новые слова типа *космодром*, *прилунение*, а с другой — исключен ряд слов малоактуальных. Кроме того, внесены некоторые отдельные исправления (в написании сложных прилагательных, в образованиях форм слов, в ударениях и т. д.).

ленные в *Орфографическом словаре*, например: *багедова болеань, гостинный двор*, и фразеологические обороты, идиомы типа *с панталыку сбиться* (лишиться соображения), *во что бы то ни стало*.

По своей структуре это в действительности гнездовой морфемный (а не деривационный) словарь графической системы современного русского языка, составленный по большей части на этимологической базе.⁴ Доказательством того, что в основу анализа взята письменная форма языка, является, например, членение существительных на *-ия*, которые сегментированы: *-и/я* вместо *-и/а* (*арм и я* вместо *арм и/а*). Еще большая дань графике отдана при сегментации морфов, оканчивающихся на мягкий согласный; РДД сегментирует в них мягкий знак в качестве отдельного морфа, т. е., например, суфф. *-ость* в виде *-ост'/ь*. Однако в окончании инфинитива *-ть* или в ласкательно-уменьшительном суффиксе *-оньк-* мягкий знак (и это правильно) не сегментируется.

Авторы отмечают значительные семантические трудности в идентификации синхронно-деривационных гнезд слов (word-families) и малые возможности их корректирования, если этимологические группы разбиты в два или несколько различных гнезд по алфавитному порядку. Основной единицей РДД является корневая морфема. За главный вид этой морфемы избирается ее самый распространенный алломорф (точнее аллограф или же графический аллосегмент), который и является заголовочным словом. Вследствие того, что главным критерием при выборе графического аллосегмента корневой морфемы взята распространенность, в совершенно однотипных случаях в качестве исходной избирается то одна, то другая аллоформа.

Ср. казак	казак	и греч	греч
	бел о казак		греч изм
	казак ин		греч к ий
	казац к ий		греч а
	казац е ств о		греч ан к а
	казац ий		по - греч е ск и
	.		.
	.		.

В введении Д. Уорт отмечает, что не всегда просто определить, следует ли считать два слова или два словосемейства словообразовательно родственными в современном стандартизованном русском языке (contemporary standard Russian). Так, слово *образ* возникло путем сочетания приставки *об-* и корневой морфемы *раз/реа*. Но семантическая связь между словосемейством *образ* и другими словами, которые восходят к первоначальному *раз/реа*, очень слаба, ср. *выражать, стеклорежущий, врознь*. Авторы в конечном итоге решили включить их в одно гнездо, хотя это неточно с точки зрения словообразовательной системы современного русского языка. Однако распределить такие слова на несколько различных гнезд можно лишь на основе наличия или отсутствия общих семантических черт.

Там, где фонологическое или семантическое развитие приводило к ярко выраженному разрыву между первоначально родственными словами, авторы помещали их отдельно, например *вязать* и *узкий*, ср. стр. XXII РДД. Однако, в некоторые словосемейства включены слова, не связанные друг с другом даже генетически. Так, в одном гнезде находится заимствованное из татарского *бай* (богач, крупный землевладелец или скотовод в дореволюционной Средней Азии) с дериватами *байский, байство* и заимствованное из польского и восходящее через голландский язык к лат. *badius* (светлокоричневый) *байка* (вид ткани) и общеславянское *басня* с производными *басенка, басенник* (устар. баснописец), *побасенка* (разг. короткий забавный, занимательный рассказ), *побаска* (обл. то же, что побасенка).

Расположение слов, иллюстрирующих ту или другую корневую морфему, определяется алфавитным порядком всех ее возможных аллоформ. Всего в рецензируемом словаре рассматриваются 10 953 гнезда. В каждом гнезде 1—16 подгнезд (subfamilies), количество это зависит от числа аллоформ данной корневой морфемы. Подгнезда зафиксированы по алфавиту, а именно сначала бесприставочные слова. См., например, гнездо:

изб а
 изб ач
 изб ач е ск ий
 изб ён оч к а
 изб ёнк а
 изб иш к а
 изб ищ а
 изб уш еч к а
 изб уш еч н ый
 изб уш к а
 изб ян ой
 по изб н ый
 под ызб иц а

Сложные слова помещены непосредственно после однокорневых слов, например:

голуб ой
 бел о — голуб ой
 бел ов ат о — голуб ой
 блед н о — голубой

яр к о — голуб ой

Составители РДД использовали т. н. максимальное расчленение материала. При сегментации слова авторы придерживались формальных, а не семантических критериев. Это весьма понятно, так как сегментация выполнялась на вычислительной машине (computer) и машина, конечно, не способна охватить тонкие семантические оттенки слова. Авторы первоначально ожидали 95 % точности автоматического расчленения отдельных слов, но точность автоматического деления оказалась гораздо более низкой, и около 27 % ошибок типа *до цент* (машина, вероятно, сегментировала даже: *до ц ент!*) надо было исправлять от руки. Неудивительно, что вычленимые графические комплексы иногда лишены всякого значения, не выполняя даже структурной функции, например *ассир и ец*. В этой связи отметим еще следующее: РДД ошибочно, по нашему мнению, вычленяет *о* в основах типа *кино, нео* (*кин о арт ист*), причем аналогичную морфему *фото* уже не расчленяет; неправильную сегментацию морфем типа *кино, нео*, по-видимому, авторы уже не успели исправить.

С другой стороны, есть случаи, хотя они сравнительно редки, когда не сегментированы имеющиеся морфемы. Так, в глаголе *обалдевать* (прост. дуреть, терять всякое соображение) выделяется в РДД суфф. *-ева-*, но это в действительности два суффиксальных морфа: *-е- и -ва-*, ср.: *балда* → *балдеть* → *обалдеть* → *обалдевать* по словообразовательному ряду *пот* → *потеть* → *запотеть* → *запотевать*.

Можно было бы еще очень много написать об обсуждаемом словаре, но объем рецензий в нашем сборнике, к сожалению, ограничен и в этом кратком отзыве нельзя обсудить РДД, как бы следовало для такого монументального труда. Нам все-таки приходится сказать еще несколько слов относительно выбора лексического материала. Как мы уже отметили, за основу авторы РДД взяли *Орфографический словарь*. Мы должны согласиться с Т. Ф. Ефремовой, что этот словарь зарегистрировал много узкоспециальных и интернациональных слов.⁵ Как уже отмечалось в соответствующей литературе,⁶ образование слов с современных европейских языках, в том числе и в русском, идет обычно по моделям двух сравнительно разных систем, к которым относятся все продуктивные

⁴ Так как гнездование слов опирается на этимологию, в РДД быстро может ориентироваться только тот, кто хорошо знает историческую морфологию русского языка (в случае исконно русских слов) и греколатинские корни (у т. н. интернационализмов).

⁵ Ср. рецензию Т. Ф. Ефремовой в ВЯ 20, 1971, 4, 112—117. По словам автора цитируемой рецензии такие слова составляют около 25 % общего числа (почти 30 тысяч слов).

⁶ Например, Г. Марчанд (H. Marchand) в статье *Notes on English Suffization*, Neuphilologische Mitteilungen 54, Helsinki 1953, № 5—6, 246—272, особенно 254 и 258.

модели. Одна из этих систем образует национальную структуру данного языка, вторая же опирается на иноязычную, по большей части новолатинскую базу. Исходя из этого, мы бы, например, предпочитали взять за основу четырехтомный *Словарь русского языка*, под ред. А. П. Евгеньевой, Москва 1957—1961 („Малый академический“; 17 томный „Большой академический“ не был в 1962 г., когда началась работа над РДД, еще закончен), содержащий свыше 82 тысяч слов современного стандартизованного русского языка. Заимствованные и интернациональные узкоспециальные наименования типа *фенацетин* (фарм. жаропонижающее и болеутоляющее лекарственное средство) пришлось бы пропустить. Или же взять за основу одготомный *Словарь русского языка* С. И. Ожегова (52 тысячи слов), который нерусифицированных интернационализмов практически не регистрирует. Анализ деривационной структуры т. н. интернациональных слов (их в современном русском языке, конечно, очень много и они составляют в настоящее время в связи с научно-технической революцией весьма важную часть современной лексики) лучше было бы, по нашему мнению, провести отдельно.

Под вопросом остается также, удобно ли в деривационном (вернее в морфемном) словаре анализировать идиомы типа *во что бы то ни стало*.

Несмотря на наши вышеприведенные замечания, обсуждаемый словарь американских русистов представляет собой необычно ценное, фундаментальное исследование. Это вообще первый опыт применения вычислительной машины в анализе морфемного состава русского слова. Нет сомнений, что этот словарь станет необходимой настольной книгой всех русистов, особенно морфологов и дериватологов.

Иржи Ирачек

Н. А. Шигаревская: Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. Ленинград, 1970, pages 215.

A l'époque actuelle où les études linguistiques présentent un essor sans précédent, beaucoup de chercheurs concentrent leurs efforts sur la langue contemporaine en insistant aussi sur l'antériorité et la fréquence d'emploi de la langue parlée. Le présent ouvrage *Očerki po sintaksisu sovremennoj francuzskoj razgovornoj reči*, Moscou 1970, de N. A. Chigarevskaja, auteur d'un excellent *Traité de phonétique française*, Moscou 1966, et de plusieurs études syntaxiques, est de cette même veine.

Il est impossible, en quelques pages, de faire un compte-rendu exhaustif de tous les points de vue que l'auteur discute dans cet ouvrage, mais en bref, on pourrait dire qu'elle y analyse les particularités syntaxiques de la phrase de la langue parlée, car c'est là où surgissent, sur le plan synchronique, des modèles et constructions qui, à la longue, peuvent constituer la norme; c'est dans la syntaxe surtout que se manifestent les principales transformations structurelles.

Dans les premières pages de son livre, l'auteur examine les différentes conceptions se rapportant à la langue parlée exposant aussi les difficultés que présente la délimitation des styles d'une langue à une période donnée. A cela s'associe une confusion en ce qui concerne les termes désignant les différentes formes et styles de la langue (langue écrite, correcte, littéraire, officielle; langue parlée, commune, quotidienne, populaire, vulgaire, etc.).

Ce qui frappe dans les cinquante derniers ans, c'est la grande intensité avec laquelle la langue vulgaire ou populaire exerce son influence sur la langue parlée et la langue écrite, à son tour, sur la langue littéraire. Bien que la langue parlée ait absorbé beaucoup d'éléments populaires et vulgaires, il n'est pas possible, selon l'auteur, d'opposer à la langue écrite la langue populaire ou vulgaire, comme on le fait parfois. L'auteur comprend sous le terme „razgovornaja reč“ l'une des variantes fonctionnelles et stylistiques de la langue nationale commune, basée sur le système des moyens phonétiques, grammaticaux et lexicaux commun à tous les styles, mais déterminée, d'autre part, par des caractéristiques structurelles particulières.

Le deuxième chapitre comprend une analyse des tendances qui renforcent les caractéristiques structurelles de la phrase française (la fonction structurelle de l'ordre des mots) et des tendances opposées qui troublent les mêmes caractéristiques (la segmentation des phrases). La phrase segmentée constitue une spécificité particulière à la syntaxe de la langue parlée en la différenciant des structures syntaxiques de la phrase de la langue écrite. L'emploi toujours croissant des phrases segmentées dans la langue parlée est documenté par les nouvelles données que l'auteur apporte. Cette partie de l'ouvrage est la plus riche, les exemples sont nombreux et justement répertoriés.